

Андрей Гордин

(Рига, Латвия)

АНТОНС АУСТРИНЬШ — ПЕРЕВОДЧИК ДМИТРИЯ МЕРЕЖКОВСКОГО

На примере переводов произведений Д. Мережковского на латышский язык А. Аустриньша исследуется рецепция русского символизма в латышской культуре рубежа XIX – XX веков. Предполагается, что на выбор А. Аустриньшем текстов Д. Мережковского для перевода оказал влияние исторический фон 1910-х годов – формирование национальных идей в регионах Российской империи, поиски самоидентичности народов, революция 1905 года как резонансное историческое событие. Переводы Аустриньша соотносимы с рецепцией Мережковского в инациональной культурной среде и фиксируют рефлекссию по поводу творчества русского писателя.

Ключевые слова: художественный перевод, модернизм, символизм, латышская литература.

Переводной текст может быть определен как одна из форм рецепции оригинального текста в инациональной культурной среде и как оригинальное творчество переводчика, который ориентируется на свое собственное восприятие того или иного текста. Сам перевод может представлять как раз художественную программу переводчика, а не автора оригинального текста. На эту «эстетическую» составляющую во многом влияет и тот выбор, который делает переводчик при работе с оригинальным произведением [2, с. 134 – 175].

При анализе переводов, по нашему мнению, следует также помнить о некоторых интертекстуальных, типологических связях, которые возникают при соприкосновении двух культур в едином историко-литературном контексте – перевод и сама фигура переводимого автора (особенно восприятие его творчества в инациональной среде в совокупности с историческим фоном) могут оказывать влияние на собственное творчество переводчика.

В типологическом плане произведения Д. Мережковского, его художественные представления (наряду с творчеством В. Брюсова, Ф. Сологуба, А. Ремизова и др.) можно рассматривать как некую эстетическую основу для формирования вкусов и литературных взглядов в среде латышских модернистов [4, с. 9]. Наверное, поэтому так значим уже сам факт перевода отдельного текста конкретного автора в иной культуре.

Первый перевод поэтического текста Мережковского на латышский язык был осуществлен Аспазией (Aspazija) в 1901 году. Речь идет об одном из программных стихотворений — «Одиночество» (1890, в латышском переводе — «Vientulība»): «Поверь мне: люди не поймут / Твоей души до дна!.. / Как полон влагою сосуд, — / Она тоской полна» [1, с. 170–171]. В латышском переводе: «Ak, nav uz visas pasaules / Neviens tik tuvs tev draugs, / Kam izlietos šīs dvēseles / No sārēm pilnais trauks». Этот перевод был опубликован в ежемесячном издании «Домашний гость» («Mājas Viesa Mēnešraksts», № 3) [11, л. 202]. Далее, если говорить о стихотворных переводах Мережковского, следует публикация стихотворений «Ужель мою святыню» (1909) / «Vai mūžam nesarvastu» (1913) в переводе Карлиса Крузы (Kārlis Krūza), «Поэт» (1894) / «Dzejnieks» (1914) в переводе Яниса Карстениса (Jānis Kārstenis) и др. Отметим, что для перевода избирались те стихи Мережковского, которые обладали так называемым «декларативным», программным характером и указывали на развитие идей символизма в России.

Внимание к крупным прозаическим произведениям Мережковского возникает ближе к 1910-м годам, когда в 1908 году А. Аустриньшем переводится его роман «Юлиан Отступник. Смерть богов». Латышский текст «Julians Atkritējs» был анонсирован Харальдом Элдгастом (Haralds Eldgasts) в газете «Латвия» («Latvija») в 1908 году (№ 228). В этом же издании появляется перевод отдельных глав этого романа (№ 229–265, 267–300). О важности этого перевода говорит тот факт, что рецензия на него выходит на первой полосе газеты. Отдельным изданием роман был опубликован в том же 1908 году под заголовком «Kristus un Antikrists: triloģija. 1.d. Julians Atkritejs (Deewu nahwe)» с предисловием Х. Элдгастса¹, в котором последний отмечает:

...religiskajā nozīmē krievu tauta ir apdāvinātākā. Krievu rakstnieki (tādi kā Fjodors Dostojevskis, Ļevs Tolstojs, V. Solovjovs) ir ne tikai pareģi, bet arī reformētāji, kuri alkst pēc cilvēces, kura iegrimusi Visuma ļaunumā, atdzimšanas. Viņiem ir svarīgi pasargāt cilvēku kā individu no pasaules vēstures disonanses, atklāt viņa iekšējā pasaulē garīgās spējas, kuras spēj turēties pretī sabiedrības sairumam. Kopā ar viņiem ir arī Merežkovskis. Viņa daiļdarbi

¹ Сам текст рецензии был опубликован в газете «Латвия» в 1908 году. В отдельном издании и в полном переиздании 1927 года этот текст был перепечатан.

tikuši izdoti vairākas Rietumeiropas valstīs – tulkoti angļu, franču un daudzās citās valodās. Merežkovska vārds allaž izraisa paaugstinātu interesi. Viņš, protams, ir mazāk ģeniāls, nekā viņa dižie priekšteči, bet viņa pārākums pār vairumu jauno rakstnieku ir tajā, ka viņš savieno savā daiļradē dziļas zināšanas vēstures un kultūras jomā ar dziļu antīkās kultūras garīgo pieredzi.

<...>

Merežkovskis ir populārs rakstnieks, kura daiļdarbi aktīvi tiek apspriesti presē. Latviešu valodā iztulkoti tikai daži viņa dzejoļi, bet prozas teksti, kas ir viņa daiļrades galvenā daļa, latviešu valodā nav izdoti [7, l. 5]².

Автор статьи в связи с «Юлианом Отступником» пишет:

Šī ir pirmā triloģijas daļa, kura cieši saistīta ar Merežkovska reliģiski filozofiskajiem uzskatiem. Juliāns, Leonardo, Pēteris I – tie ir personāži, kuriem ir nozīme paša Merežkovska personīgajā traģēdijā un viņš pauž savas bailes ar to palīdzību [Там же, l. 14 – 15]³.

Таким образом, черты героев, по мнению Элдгастса, во многом выражают личный опыт самого Мережковского, он указывает, что помимо исторической составляющей первая часть трилогии представляет собой «jaunās reliģiskās apziņas meklējums un tās sludināšana, jaunais evaņģēlijs» [7, l. 15]⁴.

² «В религиозном смысле русский народ является наиболее одаренным во всем мире. Русские писатели (такие, как Федор Достоевский, Лев Толстой, Вл. Соловьев) являются не только пророками, но и реформаторами, жаждущими возрождения человечества, погрязшего во вселенском зле. Для них очень важным становится защитить человека как индивида от диссонансов всемирной истории, раскрыть в его внутреннем мире духовные силы, способные противостоять распаду общества в целом. В их ряду стоит и Мережковский. Его произведения были изданы во многих западноевропейских странах – были переведены на английский, французский и многие другие языки. Слово Мережковского всегда вызывает к себе повышенный интерес. Он, конечно же, менее гениален, чем его великие предшественники, но его превосходство над многими молодыми писателями в том, что он сочетает в своем творчестве глубокие знания истории и культуры с глубоким духовным опытом Античности <...> Мережковский – популярный писатель, произведения которого активно обсуждаются в печати. На латышский язык были переведены лишь некоторые его стихотворения, тогда как прозаические тексты, которые составляют главную часть его творчества, в переводе на латышский не выходили» (перевод с латышского здесь и далее наш. – А. Г.).

³ «Это первая часть трилогии, которая тесно связана с религиозно-философскими взглядами Мережковского. Юлиан, Леонардо, Петр I – это те персонажи, которые играют важную роль в личной трагедии самого Мережковского, посредством которых он выражает собственные страхи.»

⁴ «Поиск и проповедь нового религиозного сознания, новое евангелие.»

В 1910 году в №17 газеты «Утренний вестник» («Rīta Vēstnesis») был опубликован адаптированный пересказ статьи Мережковского «Зеленая палочка» («Zaļā nūjiņa»), которая была посвящена смерти Льва Толстого. Латышская газета практически сразу же реагирует на эту статью Мережковского: сама статья выходит в газете «Речь» 20 ноября 1910 года, латышский же ее вариант — 26 ноября. Внимание латышского читателя, конечно же, обращено к событию, получившему в то время всемирный резонанс, — смерти Льва Толстого. Но для нас важен тот факт, что одним из корреспондентов этого события для латышской культурной среды был Мережковский. В том же году появляется еще один перевод Аустриньша из Мережковского — роман «Петр и Алексей» / «Antikrists. Pēteris un Aleksejs». Как и в случае с «Юлианом Отступником», публикации полной версии романа предшествует выход некоторых глав в газетах «Новый дневной листок» («Jauna dienas lapa», 1910, №33 — 174) и «Латвия» («Latvija», 1910, №28 — 146). В последней печатается и рецензия на перевод Альфреда Розенталса (Alfrēds Rozentāls), которая в отличие от статьи Х. Элдгагса, не вошла в качестве предисловия к переводу романа «Антихрист». В своей рецензии Розенталс подчеркивает, что это уже третий роман Мережковского, который переводится Аустриньшем: «Šoreiz tas ir Merezkovska trešā romāna autorizētais tulkojums. Pētera I un cara dēla Alekseja konflikts ir tikai fabula. Romāna centrā ir kristīgās un pagāniskās pasaules cīņa» [10, l. 2—3]⁵. Характеризуя сам перевод, автор статьи отмечает: «Austriņa tulkojums ir korekts, izņemot dažus rusismus» [Там же, l. 2—3]⁶. По поводу же появления самого перевода романа Розенталс особо подчеркивает: «Merezkovska romāns ir nozīmīgs un vērtīgs darbs latviešu pēdējā laikā tulkotajā literatūrā» [Там же]⁷.

Также Аустриньшем были выполнены переводы двух «Итальянских новелл» Мережковского — «Микеланджело» и «Наука любви». Первая была опубликована в газете «Латвия» («Latvija») в 1911 году (№162 — 173) (отдельным изданием вышла в 1923 году: *Mereschkowskis D. Mikels-Andželo : vēsturiska novele / tulk. Antons Austriņš. Rīga: A. Gulbis. Universālā bibliotēka, 1923 (№257)*), вторая — в литературном приложении к газете «Латвия» («Latvijas literāriskais pielikums». 1911, №28).

Если говорить об исторической новелле «Микеланджело», то сам текст оригинала предворяет стихотворение «Тебе навеки сердце бла-

⁵ «На этот раз нам представлен авторизованный перевод третьего романа Мережковского. Конфликт Петра Великого и царевича Алексея лишь фабула. В центре романа — борьба христианского и языческого мира.»

⁶ «Перевод Аустриньша достаточно корректен, за исключением некоторых русизмов.»

⁷ «Роман Мережковского — значительный и ценный труд в латышском переводной литературе последнего времени.»

годарно...» [9, с. 278], которое Мережковский неоднократно публиковал отдельно от основного текста произведения как самостоятельное под названием «Микель-Анжело». При этом в полном собрании своих произведений 1914 года Мережковский публикует его без разбивки на строфы. Текст в латышском варианте получил свое название (собственно от строфики) – «Терцина» («Tercīne»). Перевод сделал Эдвардс Вирза (Edvarts Virza) – «Tev, Florence, sirds pateicas arvienu...» Это стихотворение было опубликовано в 1911 году вместе с первой частью перевода Аустриньша («Latvija», № 162).

Помимо Аустриньша прозу Мережковского переводят Августс Мелналкснис (Augusts Melnalksnis; его авторизованный перевод драмы «Павел I» / «Pāvils I» в 1913 году не был завершен, первая публикация перевода романа «Александр I» / «Aleksandrs I» осуществлена в 1913 году в «Dzimtenes Vēstnieša literāriskais pielikums», № 109; отдельным изданием вышел в 1928 году); Линардс Лайценс (Linards Laicens; роман «Леонардо да Винчи» / «Leonardo da Vinči», 1924); Волдемарс Дзелтыньш (Voldemārs Dzeltiņš; роман «Декабристы» / «Dekabristi», 1927) и др.

В количественном отношении переводы произведений Мережковского Аустриньша преобладали над всеми остальными. До событий 1917 года им были переведены два романа (один из них с согласия самого автора) и две новеллы Мережковского.

Выбор произведений для перевода, как нам кажется, не был случайным. Аустриньш переводит лишь первую и третью книги трилогии Мережковского «Христос и Антихрист», оставляя без внимания роман «Леонардо да Винчи». По-видимому, на выбор текстов латышским переводчиком повлиял исторический фон 1910-х годов, характеризующийся формированием национальных идей во многих регионах Российской империи (в том числе и в Латвии), поисками самоидентичности народов и т. д. Резонирующим событием можно рассматривать и революцию 1905 года (сам Аустриньш принимал участие в этих событиях, некоторое время скрывался от полиции), которая дала импульс многим историческим явлениям последующего десятилетия. Этим объясняется интерес Аустриньша к третьей книге трилогии, в которой многие видели не просто очередную модификацию религиозно-философской системы Дмитрия Мережковского, а роман, «raksturo despotisko Krievijas monarhismu. Pēteris I cenšas izspiest Krievijai Rietumeiropas kultūrai jau sen novecojušās vērtības»⁸ (из рецензии Алфреда Розентала на перевод романа «Антихрист. Петр и Алексей») [10, л. 3].

⁸ «...характеризующий деспотический русский монархизм. Петр Великий пытается своей железной волей навязать в России уже давно устаревшие для западноевропейской культуры ценности.»

Обратимся к некоторым событиям в жизни самого Мережковского этого периода (после 1905 года). Писатель крайне негативно оценил расстрел демонстрации в Петербурге во время революции 1905 года; с 1906 по 1908 год он находится в эмиграции, где тесно сошелся с радикальными представителями партии эсеров — Борисом Савинковым и Ильей Фондаминским. В его взглядах просматривается религиозный анархизм (идея о том, что самодержавие — от Антихриста). В 1908 году он вернулся в Россию, где продолжил поддерживать идею «религиозной революции»⁹.

Таким образом, помимо чисто эстетической мотивировки Аустриньш, возможно, апеллирует к политической составляющей портрета Мережковского, которая сложилась к тому времени. К тому же важными для него становятся художественные моменты, связанные с религиозным (внутренним) опытом писателя. Следует заметить, что в 1911 году Аустриньш вместе с Эдвардом Янсоном (Edvarts Jansons) переводит роман Льва Толстого «Воскресение» / «Augšamcelšanās». Занимаясь переводами, Аустриньш в какой-то мере искал духовные ориентиры, которые смог бы реализовать в своих собственных произведениях.

Становится понятным тот факт, почему Аустриньш упоминает имя Мережковского в некоторых своих сочинениях. Переводные тексты создают то понятийное и индивидуальное пространство, которое формирует в сознании латышского писателя портрет и восприятие творчества Мережковского.

В статьях Людмилы Спроге, Веры Вавере, Алины Романовской [8; 9; 11] было отмечено, что Аустриньш в своих произведениях обращается к различным источникам, в том числе к русским символистам (В. Брюсову, Ф. Сологубу, А. Ремизову). Известны его прямые контакты с представителями русского модернистского течения. Здесь следует вспомнить его письмо Федору Сологубу от 10 января 1913 года, в котором Аустриньш просит ему разрешить перевод на латышский язык его «чарующей» драмы «Заложники жизни»¹⁰. Можно предположить, что подобные контакты были у Аустриньша и с Мережковским (хотя фактических доказательств пока нет, но стоит напомнить, что перевод «Петра и Алексея» определен как авторизованный).

⁹ Наиболее ярко это видно из переписки Д. Мережковского, З. Гишпиус и Б. Савинкова [3].

¹⁰ «Esmu iesācis tulkot Jūsu apburošo drāmu "Dzīves ķilnieki". Pazemīgi lūdzu Jūs atļaut man šo tulkojumu. Jūsu drāma ieies Anša Gulbja apgādātajā "Universālās bibliotēkas" ciklā, kura jau viena (1912) gada laikā ir sasniegusi 100. numuru" [11, l. 113] («Мною был начат перевод Вашей чарующей драмы "Заложники жизни". Покорно прошу Вас разрешить мне сделать этот перевод. Ваша драма войдет в состав цикла "Универсальная библиотека" Ансиса Гулбиса, которая в один год (1912) достигла количества в 100 номеров».)

В прозе самого Аустриньша имя Мережковского стоит в ряду других представителей Серебряного века, в частности в его автобиографическом романе-хронике «Долгая миля» («Gaŗā jūdze»)¹¹. Более того, в романе Мережковский упоминается как автор перевода трагедии Софокла «Антигона»¹².

В поэтическом творчестве Аустриньша имя Мережковского встречается в 1921 году в сборнике «Klusuma gaviles» / «Ликование тишины», который появляется после достаточно долгого перерыва (последний перед этим сборник стихов «Mākoņu gaita» / «Ход облаков» вышел в 1909 году). Он берет строки из поэмы Мережковского «Старинные октавы» в качестве эпиграфа к стихотворению «Tantals» («Ak kā es gribetu svēti-balts eet...») [5, l. 117] / «Зову на суд я жизнь мою и совесть» [1, с. 473], открывающему четвертый отдел сборника. Больше в «Ликовании тишины» нет ни одного эпиграфа. Следует отметить, что в предыдущих сборниках Аустриньша, особенно в сборнике «Vakar-diena» / «Вчерашний день»¹³, эпиграфы из русских авторов (Вл. Соловьева, В. Брюсова, С. Надсона) используются регулярно.

Эпиграф как рама всего произведения выполняет важную структурную функцию в этом стихотворении — роль цитаты-кода, с помощью которой выстраивается определенный регистр смыслов всего поэтического текста, происходит его символизация, он заключается в конкретный контекст. Строчка из Мережковского определяет содержание текста Аустриньша, подчиняет себе его развитие. К тому же необходимо учитывать, что цитата из Мережковского взята в оригинале,

¹¹ См.: «...Loks ar Bergājevu un Merežkovski. Atgādinot Stavroginu un Verhovenski Dostojevskā "Velnos"» [4, l. 65] («Локс познакомил меня с Бердяевым и Мережковским. Напоминают Ставрогина и Верховенского из романа Достоевского "Бесы"».)

¹² См.: «...Nosprieda iet rītvakar uz Sofokļa "Antigoni" <...> Aizbetnieks, priedamies, ka redzēs kaut ko no sēnas Grieķijas... <...> Aizbetnieks no sprieduma vēl atturējās, jo par šo izrādi avīzēs rakstīja, ka pie viņas sagatavošanas piedalījušies kā pats tulkotājs Merežkovskis, tā profesors Zeļinskis" [4, l. 84, 88] («Условились сходить завтра вечером на "Антигону" Софокла, обрадовавшись возможности увидеть древнегреческое... <...> Про эту премьеру писалось в газетах, что в ней примет участие как сам переводчик, Мережковский, так и профессор Зелинский».)

¹³ Например, раздел «Aprasojuši akmeni» открывается эпиграфом «И свой алтарь на камнях я построю» [6, l. 55] — строкой из стихотворения В. Брюсова «Скука жизни» (1902); раздел «Aiz sarkanās jūras» — строкой «И как среди песков степи безводной...» [Там же, l. 73] из стихотворения Вл. Соловьева «Уходишь ты, и сердце в час разлуки...» (1880); а стихотворение «Nāves rokas» раздела «Aiz sarkanās jūras» начинается эпиграфом «Мне больше некого любить...» [Там же, l. 77] — слова из стихотворения С. Надсона «Над свежей могилкой (Памяти Н. М. Д.)» (1879) и др.

она может быть рассмотрена в качестве варианта рецепции источника (текста Мережковского) в иной национальной среде. Здесь важным становится не столько использование «чужого слова», сколько фигура и личность самого автора. Можно предположить, что Аустриньш в какой-то мере отождествляет себя с Мережковским и его положением в начале 1920-х годов (напомним, что «Старинные октавы» носят автобиографический характер: «Бесхитростный дневник пишу, не повесть» [1, с. 473] — стих, предваряющий в «Старинных октавах» те слова, которые Аустриньш избирает в качестве эпиграфа к своему стихотворению; самохарактеристика жанра коррелирует с содержанием текста латышского поэта).

Ak kā es gribetu svēti-balts eet.
Būt daiļš kā Apollons, labs.
Man baltas drānas uzgērbeet —
Stāvu kā moku stabs.

Uz galvas aklas pūces sēd.
Šalc vaimanu pilnais mežs.
Melns sunis pļavā zāli ēd.
Pats sev un citeem es svešs... [5, l. 117].

Принцип проекции ряда символов на жизнь героя, антогонизм языческих и библейских образов (Аполлон — Каин, белые одежды, слепые совы) создают практику обретения смысла через ряд коннотаций, свойственных культуре символизма в целом. С помощью цитатного регистра Аустриньш изображает жизнь своего героя, придавая ему черты автобиографизма, одновременно опираясь на художественную систему, которая предлагается Мережковским благодаря посредничеству стиха из его поэмы.

Семантически близки стихотворению Аустриньша также строки из поэмы Мережковского «Безобразье вечное людей / Всегда рождает скорби и злость в душе» [1, с. 523] — тема органического отчуждения от людей (еще одно стихотворение Мережковского «И хочу, но не в силах любить я людей» (1887) [Там же, с. 130–131]). Или: «Критики на поле брани ждут / Как вороны, добычи для злословья» [Там же, с. 472], ср. у Аустриньша: «Veras logi — kraukļi skreen acīs knābt»¹⁴ [5, с. 117]. Аустриньш в какой-то мере перерабатывает некоторые мотивы из поэмы Мережковского. «Чужой» становится генератором авторской рефлексии; ср.: «Es nevaru, brāļi, būt vairs labs»¹⁵ [Там же, l. 117]) у

¹⁴ «Открываются окна — вороны бегут выклевать глаза.»

¹⁵ «Я не могу, братья, боле быть хорошим.»

Аустриньша и «Пленяет человека зло» [1, с. 511], «Запретный плод прельщал меня невольно» [Там же, с. 511] у Мережковского.

Обращает на себя внимание и тот факт, что Мережковский начинает писать «Старинные октавы» в середине 1890-х годов — во время своей работы над романом «Смерть богов. Юлиан Отступник». Опубликована же поэма была в 1906 году — незадолго перед публикацией первого романа трилогии на латышском языке в переводе Аустриньша. Таким образом, переводы Аустриньша, сделанные в это время, соотносимы с рецепцией Мережковского в инациональной культурной среде и фиксируют рефлексию по поводу русского писателя и его творчества.

Список литературы

1. Мережковский Д. Собр. стихотворений. СПб., 2000.
2. Минералов Ю. Основные разновидности контактов // Минералов Ю. Сравнительное литературоведение. М., 2010.
3. Революционное христовство : письма Мережковских к Борису Савинкову. СПб., 2009.
4. *Austriņš A. Garā jūdze: romāns-hronika 4. gr.: 2. sēj.* Mineapole, 1973—1975.
5. *Austriņš A. Taltals // Ausriņš A. Klusuma gaviles: dzejas.* Rīga, 1921.
6. *Austriņš A. Vakardiena,* Rīga, 1907.
7. *Eldgasts H. Priekšvārds // Merežkovskis D. Julians Atkritējs (Dievu nāve).* Rīga, 1927.
8. *Ikviens mēs zvaigzņi sevī nesam: Antons Austriņš-pazīstamais un nezināmais: rakstu krājums (sastādītāja Alīna Romanovska).* Rīga, 2006.
9. *Romanovska A. Antona Austriņa proza Eiropas literārajā telpā.* Daugavpils, 2006.
10. *Rozentāls A. Pēteris un Aleksejs // Latvija.* 1910. №215.
11. *Sproģe L., Vavere L. Latviešu modernisma aizsākumi un krievu literatūras «sudraba laikmets».* Rīga, 2002.

Andrej Gordin

ANTONS AUSTRINŠ AS A TRANSLATOR OF DMITRY MEREZHKOVSKY

The translations of D. Merezhkovsky's works into the Latoian language by A. Austriņš help analyse the receptions of Russian symbolism in the Latoian culture of the 19th-20th centuries. The author suggests that A. Austriņš's decision to translate D. Merezhkovsky texts was affected by the historical background of the 1910s – the formation of national ideas in the regions of the Russian empire, the search for peoples' self-identity, and the 1905 revolution as a major historical event. Austriņš's translations are comparable to the reception of Merezhkovsky in the national cultural environment and demonstrate the reflection on the works of the Russian author.

Key words: literary translation, modernism, symbolism, Latvian literature.